

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-6-19

УДК 82

К ПРОБЛЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ В ПОЭТИКЕ А.С. ПУШКИНА

Кожевников В.А.

Статья посвящена проблеме соотношения «поэтической реальности» и реальности исторической. По мысли В.А. Кожевникова, художественное время имеет чрезвычайно важное значение для целостного восприятия произведения. Автор рассматривает категорию художественного времени на примере произведения А.С. Пушкина «Капитанская дочка». В статье с опорой на воспоминания современников и письма самого поэта доказывается, что внутренняя хронология романа отличается стройностью. События, нашедшие отражение в романе, не противоречат историческим реалиям, а полностью соответствуют им. В.А. Кожевников соотносит даты, приведенные в романе, с биографическими фактами и основными этапами работы Пушкина над произведением. Некоторые даты, не обозначенные в романе, определяются, основываясь на сопоставлении с событиями эпохи, изображенной Пушкиным. Автору удается передать колорит эпохи, изображенной в романе. Приводится датировка важнейших событий произведения, связанных с реалиями эпохи.

Ключевые слова: *Поэтическая реальность; историческая реальность; категория художественного времени; внутренняя хронология романа.*

ON THE PROBLEM OF THE ARTISTIC TIME IN THE POETICS OF PUSHKIN A.S.

Kozhevnikov V.A.

The article is devoted to the correlation of «poetic reality» and historical reality. In the opinion of Kozhevnikov V.A., the artistic time is of great importance for a holistic perception of the work. The author of the article describes the category of artistic time on the example of the literary work «The Captain's Daughter» written by Pushkin A.S. On the basis of the poet's let-

ters and memories of his contemporaries, the article proves the fact that the internal chronology of the novel is characterized by narrative symmetry. The events reflected in the novel, are not contrary to the historical realities, and fully comply with them. Kozhevnikov V.A. matches the dates given in the novel, to biographical facts and main stages of Pushkin's work over the novel. Some dates not indicated in the novel, are determined on the basis of their comparison with the events of the historical period depicted by Pushkin. The author manages to convey the flavor of the historical period depicted in the novel. The article presents the dating of the most important events of the novel, related to the realities of the historical period.

Keywords: *Poetic reality; historical reality; category of artistic time; internal chronology of the novel.*

Художественное время, по мысли Пушкина, одна из важнейших характеристик произведения, обеспечивающая его целостное восприятие в соотнесенности «поэтической реальности» с реальностью исторической. Об этом поэт писал в статье «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году»: «В наше время под словом *роман* разумею историческую эпоху, развитую на вымышленном повествовании» [5, с. 92].

Это определение в полной мере может быть отнесено и к важнейшим произведениям Пушкина – романам «Евгений Онегин» и «Капитанская дочка», в которых хронология событий, имеющая в некоторых случаях латентный характер, играет исключительно важную роль. Примечательно, что Пушкин, называя «Капитанскую дочку» романом, то есть произведением, в котором вымысел не противоречит историческим реалиям эпохи, 25 октября 1836 года писал цензору П. Корсакову: «Имя девицы Мироновой вымышлено. Роман мой основан на предании, некогда слышанном мною, будто бы один из офицеров, изменивших своему долгу и перешедших в шайки Пугачевские, был помилован императрицей по просьбе престарелого отца, кинувшегося ей в ноги. Роман, как изволите видеть, ушел далеко от истины» [6, с. 177-178].

К далеким от реальности событиям можно отнести не указанную в романе дату рождения Петруши Гринева, выявление которой после несложных хронологических расчетов позволяет понять, когда окривела тетушка Настасья Герасимовна, кто она и какие драматические события, повлиявшие на судьбу Гринева-отца, могли стоять за этим.

* * *

Несчастье, случившееся с неведомой читателю тетушкой, так в свое время поразило мать Петруши Гринева, что она помнила о нем и *шестнадцать лет спустя*, когда ее муж, отставной премьер-майор Андрей Петрович Гринева, приведенный чтением «Придворного календаря»

в состояние духа преотвратнейшее, спрашивал свою супругу: «Авдотья Васильевна, а сколько лет Петруше?». «Да вот пошел семнадцатый годок, – отвечала матушка. – Петруша родился в тот самый год, как окривела тетушка Настасья Герасимовна, и когда еще...». «Добро, – прервал батюшка, – пора его в службу». <...> Батюшка не любил ни переменять свои намерения, ни откладывать их исполнение. День отъезду моему был назначен» [7, с. 281].

Так кончилась беззаботная жизнь Петруши Гринева, а достопамятный этот разговор, круто изменивший его судьбу, происходил *осенью 1772 года*. Прямо эту дату в «Капитанской дочке» Пушкин как будто бы и не называет, но установить ее, а значит выяснить, в каком году родился Петруша Гринева, а стало быть, и «окривела тетушка Настасья Герасимовна», – нетрудно. Пушкин дважды «подсказывает» эту дату.

Первый раз – в главе «Вожатый».

После недолгих сборов Петруша Гринева отправился к месту своей службы, но, застигнутый в степи бураном, едва не погиб. Вывел его к жилью вожатый – как оказалось, сам Пугачев. На постоялом дворе Петруша стал свидетелем странного разговора и только потом, много позже, догадался, что вожатый и хозяин говорили тогда «о делах Яицкого войска, в то время только что усмиренного после бунта 1772 года» [7, с. 290].

Второй раз эта дата встречается в главе «Пугачевщина».

«...Яицкие казаки, долженствовавшие охранять спокойствие и безопасность сего края, – рассказывает Петруша Гринева, – с некоторого времени были сами для правительства беспокойными и опасными подданными. В 1772 году произошло возмущение в их городке. Причиной тому были строгие меры, предпринятые генерал-майором Траубенбергом, дабы привести войско к должному повиновению. Следствием было варварское убийство Траубенберга, своевольная перемена в управлении и, наконец, усмирение бунта картечью и жестокими наказаниями. Это случилось несколько времени перед прибытием моим в Белогорскую крепость» [7, с. 313].

Итак, в Белогорскую крепость Петруша Гринева едет (в ту пору ему «пошел семнадцатый годок») осенью или в самом начале зимы 1772 года. Едет *после* усмирения бунта яицких казаков (бунт подавили летом того же года), но – *до* восстания Пугачева, которое началось осенью следующего 1773 года. Отсюда совершенно определенно и даже бесспорно следует, что родился наш герой в 1756 году (1772 – 16 = 1756). Можно сказать точнее: осенью 1756 года.

Время в русской истории интереснейшее [2, 3, 7, 8, 10, 11]. Конечно же, интересно оно не столько тем, что в этом году родился Петруша Гринева и «окривела тетушка Настасья Герасимовна», сколько тем, что в Петербурге осенью 1756 года умирала императрица Елизавета

Петровна, а за ее спиной зрел и набирал силу заговор. «Я решил, как вы знаете, погибнуть или царствовать» [9, с. 109], – так, от мужского лица и не оставляя ни малейших сомнений в своих намерениях, 30 августа 1756 года писала английскому послу сэру Чарльзу Генбюри Вильямсу великая княгиня Екатерина Алексеевна, бывшая принцесса Голштинская Софья-Августа-Фредерика, будущая в скором времени императрица Екатерина II.

Императрицей она стала в 1762 году. Тогда на мысе Ропша был умерщвлен (не без высочайшего, вероятно, ведома) ее муж, император Петр III. Пролетал он всего полгода, а в 1756 году был престолонаследником. Только уверенности в том, что он действительно после смерти Елизаветы Петровны займет русский престол, не было никакой. Уж очень Елизавета Петровна не любила Петра Федоровича. Просто терпеть его не могла. «Императрица, – вспоминала позже Екатерина II, – уже много лет не могла пробыть с ним нигде и четверти часа, чтобы не почувствовать отвращения, гнева или огорчения, и когда дело его касалось, она в своей комнате не иначе говорила о нем, как заливаясь горькими слезами над несчастьем иметь такого наследника или же проявляя к нему свое презрение...» [1, с. 443].

Далее Екатерина II рассказывает, как она нашла в бумагах Елизаветы Петровны «две собственноручные записки императрицы»; в одной из них прочитала: «Проклятой мой племянник сегодня так мне досадил, как нельзя более»; в другой: «племянник мой урод, черт его возьми» [1, с. 443].

Нет, не жаловала Елизавета Петровна Петра Федоровича. Не любила *тетушка* своего племянника. И, надо думать, разговоры о том, что императрица Елизавета Петровна собирается объявить своим преемником не Петра, а его и Екатерины малолетнего сына Павла, были небезосновательны.

Но ведь воцарение Павла означало, по сути, конец честолюбивым замыслам Екатерины. Нужно было что-то предпринимать, и... случай представился: Елизавета Петровна тяжело заболела. Настолько тяжело, что иностранные дипломаты при Петербургском дворе извещали своих государей о возможных переменах на русском престоле. Елизавета харкала кровью, ее душил кашель, у нее опухли ноги, положение казалось безнадежным.

Случай нельзя было упустить, и Екатерина, понимая, что Елизавета Петровна и впрямь в обход Петра может назначить своим преемником его сына, организовала в пользу мужа заговор. Посвящены в него были несколько человек. Среди них – английский посол сэра Чарльз Генбюри Вильямс и сердечный друг Екатерины граф Понятовский.

Вильямс знал: перемена власти может укрепить союз Англии с Россией. Он преследовал свои цели. Екатерина – свои. Интересы английского посла и будущей императрицы совпали.

Между Екатериной и Вильямсом завязалась тайная, но весьма оживленная переписка, в которой находим любопытные сведения о состоянии здоровья императрицы, своего рода «историю ее болезни».

4 октября 1756 года Екатерина сообщала английскому послу: «...Усилилось задыхание <...> боли в нижней части тела в связи с постоянными недомоганиями <...> ноги тем не менее опухли и водянка несомненна; кашель был так силен после вторника, что не вставали с постели на следующий день...» [9, с. 194].

15 октября Екатерина писала: «...У императрицы вчера было что-то вроде судорог <...> ей в полночь пустили кровь <...> это второй припадок за три дня <...> когда я буду на ее месте, я дам вещам оборот, который я признаю приличным <...> Говорят <...> она упала в обморок; пальцы рук сжались, ноги и руки охладели как лед, *глаза лишились зрения*. Тут ей бросили кровь, сильно и много, и зрение и чувства вернулись ей» [9, с. 206; здесь и далее курсив мой. – В.К.].

Казалось, еще немного – и все будет кончено. Екатерина, хотя план заговора во всех подробностях был разработан еще летом, вновь просит советов у Вильямса на случай смерти Елизаветы Петровны. Вильямс отвечает: «В случае смерти вы, благодаря Богу, на местах. Нужно, чтоб великий князь и вы явились почти тотчас, но не прежде, как присяга вам обоим не будет установлена и принесена министрами или министром, которого вы допустите первым к себе. Никто не должен целовать ваших рук прежде, чем он не присягнул. Не принимайте никого худо в первые дни, но отличайте тех, которым вы покровительствуете. Примите облик, который не выражал бы ничего, кроме значительной твердости и хладнокровия <...> Все согнетса, распрострется перед вами, и вы взойдете на престол так же легко, как я сажусь за стол. Если найдется завещание и если оно будет не совсем в ваших видах, лучше его уничтожить» [9, с. 218].

Екатериной было составлено подробное наставление Петру Федоровичу на случай принесения ему присяги, а в «Проекте указа», также написанном Екатериной от имени Петра (с пропусками дат в местах будущих вставок), говорилось: «Понеже всемогущий Бог по неиспытанным ево судьбам заблаговолит отзывать от сего света и переселить в вечное блаженство... числа сего.... м. 17... жизнь благоверной благочестивейшей и самодержавнейшей великой Государыни Императрицы Елизаветы Петровны, вселюбезнейшей Нашей Государыни *тетки*, мы как единственной ея наследник <...> приняли Наш природной Престол» [1, с. 558]. Это же словечко – «тетка» – встречается в «Проекте указа» еще раз: «Ея велич. Блаж. памяти *тетки* Нашей по самодержавной ея власти...» [1, с. 558].

17 октября Екатерина писала Вильямсу: «Вчера, среди дня, случились (у императрицы) три головокружения или обморока. Она боится и сама очень пугается, плачет, огорчается и, когда спрашивают у нее, отчего, она отвечает, что *боится потерять зрение*. Бывают моменты, когда она забывается и не узнает тех, которые окружают ее <...>. Мой хирург, человек очень опытный и разумный, высказывается за апоплексический удар, который срзтит ее безошибочно. У меня имеются три лица, которые не выходят из ее комнаты и которые не знают, каждое в отдельности, что они меня предупреждают, и не преминут в решительный момент сделать это» [9, с. 211]. «Ох, эта колода. Она просто выводит меня из терпения; умерла бы она поскорее», – мучился Понятовский [9, с. 231].

Девятого ноября лечивший императрицу лейб-медик сказал: «Она не может жить» [9, с. 258].

25 ноября Екатерина сообщила Вильямсу: «Императрица <...> находится в плачевном состоянии. Вчера вечером она вышла, когда уже подали кушать. Она подошла к великому князю и ко мне и сказала: «Я здорова, я более не имею кашля, ни одышки, но не смею затягиваться вследствие сильной боли в желудке» <...> Заметьте, пожалуйста, – продолжала Екатерина, – что она не сказала трех слов подряд, не кашляя и не задыхаясь, и, если она не считает нас глухими и *слепыми*, то нельзя сказать, что она этими болезнями не страдает» [9, с. 286]. Положение Елизаветы казалось безнадежным.

* * *

Но не только заговорщики ждали ее смерти. Несколько десятков тысяч сосланных и гонимых в ее царствование с нетерпением и надеждой ждали вестей из Петербурга. Ждали этих вестей и Гринева. Надеялись: новым императором станет Петр Федорович, Петр III. Он вернет Гринева, кончится опала. Вероятно, что именно в его честь Гринева назвали своего сына Петром.

Гринева-старшему кончина Елизаветы Петровны могла вернуть былые надежды, возродить честолюбивые помыслы, перечеркнутые полтора десятка лет назад во время дворцового переворота 1741 года.

Повесть начинается словами Петруши Гринева: «Отец мой Андрей Петрович Гринева в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором в 17.. году» [7, с. 279]. В черновике сказано определеннее: «...в 1762 году» [7, с. 858]. Но это – черновик, оставленный замысел. Первоначально, по-видимому, Пушкин хотел связать отставку Гринева-старшего с воцарением Екатерины II и, безусловно, осуществил бы свой замысел, но решил иначе: события повести корнями уходят во времена более ранние – в Елизаветинскую эпоху

и даже в эпоху, ей предшествовавшую. Сдвиг важный для историка, но не для философа, размышляющего о смысле человеческой жизни.

Связывать же падение Гринева-старшего с воцарением Екатерины II – нелепица, явный анахронизм, ведь родившийся после отставки отца (после 1762 года по первоначальному замыслу) Петруша Гринев должен был в этом случае к началу Пугачевского бунта (за десять с небольшим лет) превратиться в семнадцатилетнего юношу... Пушкин эту дату снял и отставку Гринева-старшего приурочил к воцарению Елизаветы, к падению Миниха.

Императрицей «дщерь Петрова» Елизавета стала 25 ноября 1741 года. Щедро наградив гвардейцев, возведших ее на престол, она, естественно, отправила в ссылку сановников, ей не угодных.

Отправился в далекий Пелым и Бурхард-Христофор Антонович Миних – генерал-губернатор Петербурга, начальник Андрея Петровича Гринева и его друга Андрея Карловича Р. Падение Миниха стало падением и наших героев. Об их опале свидетельствуют многие красноречивые детали.

Выйдя в вынужденную отставку, Андрей Петрович Гринев оказался не у дел. Он женился на дочери бедного дворянина и скромно доживал свой век в Богом забытой деревушке близ Симбирска. Правда, при малейшем упоминании о несостоявшейся карьере страдал разлитием желчи, а известия об успехах какого-нибудь сослуживца, который к тому же у него «в роте был сержантом», но к коему судьба благоволила, повергали Андрея Петровича «в задумчивость, не предвещавшую ничего доброго» [7, с. 281].

И Андрей Карлович Р., друг Гринева-старшего, хоть и дослужился до генеральского чина, жил небогато: «страх видеть иногда лишнего гостя за своею холостою трапезою был отчасти причиною поспешного удаления» [7, с. 293] Петра Гринева в Белогорский гарнизон.

И еще деталь: «Старый полинялый мундир» Андрея Карловича, некогда бравого офицера, «напоминал война времен Анны Иоанновны» [7, с. 292], то есть был сшит лет тридцать с лишним назад, еще до восшествия на престол Елизаветы Петровны, а значит, и до падения Миниха, и с тех пор разве что латался только да перешивался...

По всей вероятности, отставка Андрея Петровича Гринева и опала Андрея Карловича Р. прямо связаны с немилостью к ним императрицы Елизаветы Петровны, и понятно, что известия о ее смерти или о болезни, ведущей к перемене власти, они ожидали с нетерпением и надеждой.

Но тогда, в 1756 году, надеждам этим не суждено было сбыться. Елизавета Петровна буквально «воскресла», зато в этот год окривела тетушка Настасья Герасимовна и родился Петруша Гринев. А имя Анастасия в переводе с греческого означает «воскресшая».

По всей вероятности, описанным выше контекстом истории и объясняется оборванность фразы: «...как окривела тетушка Настасья Герасимовна, и когда еще...»?

* * *

Внутренняя хронология романа в том виде, как она была опубликована Пушкиным, имеет – даже учитывая вымышленность повествования – стройную и непротиворечивую основу. Все важнейшие события романа, связанные с реалиями эпохи, имеют точную датировку, определяемую текстом. Приводим важнейшие.

1733 год – участие в Прусском походе Миниха Андрея Петровича Гринева и Андрея Карловича Р.

Около 1741 года – отставка Андрея Петровича Гринева.

Около 1752 года – перевод из полка в Белогорскую крепость капитана Миронова.

1755 (или 1754) год – рождение Маши Мироновой.

1756 год (предположительно, осень) – рождение Петра Гринева.

1761 год – Савельич приставлен дядькой к Петруше Гриневу.

1767 год – приезд Бопре.

Около 1768 года – дуэль Швабрина, за которую он был отправлен в Белогорскую крепость.

1772 год, лето – бунт Яицкого войска.

1772 год, лето или начало осени – сватовство Швабрина к Маше Мироновой.

1772 год, осень или начало зимы – отъезд Гринева в Оренбург.

Лето 1773 года – дуэль Гринева и Швабрина.

Начало октября 1773 года – взятие Нижнеозерной крепости. (Пушкин допустил незначительный анахронизм: Нижнеозерная крепость была захвачена бунтовщиками 26 сентября 1773 года.)

Начало октября 1773 года – взятие Белогорской крепости Пугачевым.

Начало октября 1773 – конец марта 1774 года – осада Оренбурга.

25 августа 1774 года – Михельсон разбивает отряды Пугачева.

Вторая половина сентября 1774 года – Зурин получает известие о поимке Пугачева.

Конец сентября 1774 года – арест Гринева.

Осень 1774 года – Маша Миронова едет в Петербург, где встречается с императрицей.

Конец 1774 года – освобождение Гринева.

10 января 1775 года – казнь Пугачева.

Список литературы

1. Записки императрицы Екатерины Второй. – М.: Изд-во Орбита, 1989.
2. Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории. – М., 1912.
3. Каменский А.Б. Под сенью Екатерины. Вторая половина XVIII века. – СПб.: Лениздат, 1992.
4. Ключевский В.О. Исторические портреты. – М.: Правда, 1990.
5. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1949. Т. 1-16; [Т. 9]. Справочный том: Дополнения и исправления; Указатели. 1959.
6. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1949. Т. 1-16; [Т. 16]. Справочный том: Дополнения и исправления; Указатели. 1959.
7. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1949. Т. 1-16; [Т. 8]. Справочный том: Дополнения и исправления; Указатели. 1959.
8. Павленко Н.И. Екатерина Великая. – М.: Мол. гвардия, 1999.
9. Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Г. Уильямса. 1756 и 1757 гг. – М.: Издание Императ. об-ва истории и древностей Российских при Московском университете, 1909.
10. Чулков Г. Императоры. Психологические портреты. – М.: Московский рабочий, 1991.
11. Ярославцева М.Ю. Эпоха дворцовых переворотов. – М.: Чистые пруды, 2010.

References

1. *Zapiski imperatricy Ekateriny Vtoro* [Notes the Empress Catherine] II. – М., 1989.
2. Иловайский Д.И. *Kratkie ocherki russkoj istorii*. [Brief essays Russian history]. – Moscow, 1912.
3. Kamensky A.B. *Pod sen'ju Ekateriny. Vtoraja polovina XYIII veka*. [Under the shadow of Catherine. XYIII century]. – SPb.: Lenizdat, 1992.
4. Klyuchevskii V.O. *Istoricheskie portrety* [Historical portraits]. – М., 1990.
5. A.S. Pushkin Full. cit. Op. – М.; Л.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1937-1949. Vol. 1-16; [Vol. 9]. Help is: Additions and corrections; Uka-exponent. 1959.
6. Pushkin A.S. Full. cit. Op. – М.; Л.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1937-1949. Vol. 1-16; [Vol. 16]. Help is: Additions and corrections; Pointers. 1959.
7. A.S. Pushkin Full. cit. Op. – М.; Л.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1937-1949. Vol. 1-16; 1959. Vol. 8.

8. Pavlenko N.I. *Ekaterina Velikaja* [Catherine the Great]. – М., 1999.
9. *Perepiska velikoj knjagini Ekateriny Alekseevny i anglijskogo posla sjera Charl'za G. Uil'jamsa*. [Correspondence Grand Duchess Catherine Alexeyevna and British Ambassador Sir Charles G. Williams]. 1756 and 1757 years. – М., 1909.
10. Chulkov G., *Imperatory. Psihologicheskie portrety*. [Emperor. Psychological portraits]. – М., 1991.
11. Yaroslavtseva M.Y. *Jepoha dvorcovyh perevorotov* [The era of palace coups]. – М.: Chistye Prudy, 2010.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Кожевников Виктор Андреевич, старший научный сотрудник

Институт мировой литературы, Союз писателей Москвы

ул. Поварская, 25А, г. Москва, Россия

polina50@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kozhevnikov Viktor Andreevich, Senior Researcher

Institute of World Literature, Moscow Union of Writers

ul. Povarskaya, 25A, Moscow, Russia

polina50@list.ru